

ЗАДОНЩИНА

**КРАТКАЯ
ЛЕТОПИСНАЯ
ПОВЕСТЬ
О КУЛИКОВСКОЙ
БИТВЕ**

**ПРОСТРАННАЯ
ЛЕТОПИСНАЯ
ПОВЕСТЬ
О КУЛИКОВСКОЙ
БИТВЕ**

**СКАЗАНИЕ
О МАМАЕКОМ
ПОБОИЩЕ**

ПОЛЕ

КУЛИКОВО

СКАЗАНИЯ
О БИТВЕ
НА
ДОНУ

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1980

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Лихачев Д. С.

Под 1224 г. галицкий летописец записал: «Приде неслыханая рать: безбожнии моавитяне, рекомыи татарове...» Новгородский летописец пишет о том же: «Приидоша языци (народы.— *Д. Л.*) незнаеме, и ихъ же добре никто же ясно весть, кто суть и отколе изидоша, и что язык их (что они за народ.— *Д. Л.*), и коего племени суть, и что вера их; и зовут их татары, а инии глаголють таурмене, друзии же печенезе...»

И в самом деле, те, кого русские летописи и в первые и в последующие века называют «татарами», не были какою-то определенной и единой национальностью. Это было государственное объединение различных кочевых племен, находившихся в стадии кочевого феодализма, объединение крайне агрессивное и подвижное, сплоченное столь же сильной жаждой захвата новых земель, как и стремлением к разрушению соседних оседлых культур.

Объединенные орды кочевых племен, которые мы в дальнейшем будем условно называть монголо-татарами, начали проявлять необычайную активность еще в начале XIII в. Их появлению в 1223—1224 гг. на границах Русской земли предшествовали чрезвычайные военные успехи в Азии.

В 1207 г. монголо-татары покорили южную Сибирь, в 1211 г.— Китай, затем Туркестан, Афганистан, Персию. Крупнейшие культурные очаги Средней Азии — Самарканд, Бухара, Мерв — лежали в развалинах. В 1221—1223 гг. полчища монголо-татар захватили Кавказ и Закавказье и появились на границах Руси, победили русских в битве на Калке, а затем ушли. Однако в 1236 г. они переправились через Яик и покорили Волжскую Болгарию и снова пришли на Русь под предводительством Батыея. В 1237 г. пала старая Рязань, разрушенная до основания после ожесточенного сопротивления, затем пали Владимир, Москва. Монголо-татары рассеялись по русским городам и селам, «посекая людей, как траву». Через два года монголо-татары овладели Киевом, затем вторглись в Галицию и Волынь, опустошили Польшу, Силезию, Моравию, Венгрию и в 1241 г. появились под стенами Вены, всюду сея смерть и разрушение. Необычайные военные успехи монголо-татар вселили ужас в европейские народы.

Монголо-татарское нашествие было воспринято на Руси как космическая катастрофа, как вторжение потусторонних сил, как нечто невиданное и непонятное. Не случайно знаменитому русскому проповеднику XIII в. Серапиону Владимирскому для выражения своего впечатления от нашествия неведомых народов приходили на память образы землетрясения.

Катастрофические события второй четверти XIII в. действительно могут быть уподоблены землетрясению: многие города были разрушены до основания, лучшие произведения русского зодчества лежали в развалинах, земля была покрыта пеплом сожженных деревень.

Постепенно, однако, Русь возрождается и крепнет. Возникают новые центры экономической и политической жизни.

В начале второй половины XIII в. Москва еще была одним из небольших и самых бедных княжеств северо-восточной Руси. Именно поэтому досталась она одному из младших сыновей Александра Невского — Даниилу Александровичу, от которого повелся затем род московских князей — «Даниловичей». Но выгодное географическое положение Москвы в центре северо-восточной Руси, хорошо защищенном окраинными русскими княжествами от опустошительных набегов кочевников, удобство речных и сухопутных торговых путей, связывавших Москву с Волгой и северо-западом Руси, привели к быстрому росту ее населения, богатства и влияния. Московские князья выкупали в Орде русский «полон» — «ордынцев», — заселяли ими свои земли, скупали уделы, города и села у обедневших князей, умножали свои владения счастливыми «примыслами», строили города. И народ шел в прочно защищенные и природой и властными князьями владения Москвы.

Почти те же причины — приток пришлого населения, искавшего безопасности в лесной, непроходимой для конницы татар стороне, и выгодные торговые пути — ведут к возвышению Твери.

Тверь и Москва составляют два притягательных центра, вокруг которых совершается начальное объединение русского народа. Но после разгрома Твери монголо-татарами в 1327 г. в отместку за убийство ханских послов могущество Твери падает, и Москва одна утверждает свою объединяющую власть на северо-востоке Руси и вскоре, подобно Древнему Риму, передает свое имя всей стране.

Именно здесь, в Москве, зреет мысль об объединении всей Руси. Московские князья принимают титул великих князей «всея Руси».

Московские летописцы ведут единственное в своем роде общерусское летописание, следя за событиями во всех русских княжествах. В Москву из Владимира переезжает в начале XIV в. русский митрополит, и это делает ее церковным центром всех русских земель. В грозные годы иноземного ига единство церковной власти для всей Руси имело большое политическое значение. В общерусской церковной власти митрополита вырисовывался прообраз грядущего объединения на Руси и ее государственной власти, тем более что интересы церкви требовали устойчивой власти и прекращения усобиц. Не случайно вслед за митрополитом Максимом титул «всея Руси» принимает и его современник, тверской князь Михаил Ярославич, а за ним — соперничавшие с тверскими князья Москвы.

В 1366 г. (по другим сведениям, в 1367 г.) началось строительство нового каменного Московского кремля на месте деревянных укреплений Ивана Калиты. Московская летопись так записала об этом событии: «Тое же зимы (1366 г.) князь великий Дмитрий Иванович, погадав (обсудив) с братом своим, с князем Володимером Андреевичем и с всеми бояры старейшими, и сдумаша ставити город камен Москву. Да еже умыслиша, то и сътвориша, тое же зимы повезоша камень к городу»¹.

Каменный кремль Дмитрия Ивановича был значительно больше прежнего дубового. Он был расширен почти до пределов нынешнего.

Как выглядел этот новый кремль представить себе очень трудно, но ясно одно — стены его были не ниже теперешних, так как до введения огнестрельного оружия высота оборонительных сооружений служила главной защитой для обороняющихся.

Построение каменного Московского кремля тотчас же отразилось на внешней политике великого князя Дмитрия Ивановича, и это было замечено современниками. Не случайно тверской летописец так записал об этом событии под 1367 г.: «Того же лета князь велики Дмитрий Ивановичь заложи град Москву камен, и начаша делати безпрестани. И всех князей русских привожаше под свою волю, а которыя не повиновахуся воле его, а на тех нача посегати»². Москва становилась неприступной для врагов. Нашествия на Москву литовского князя Ольгерда и в 1368 и в 1370 гг. были безуспешны. Авторитет Москвы возрос чрезвычайно. И не случайно, когда в 1375 г. Дмитрий Донской двинулся к Твери, к его полкам примкнуло 19 русских князей.

¹ Симеоновская летопись. — Полн. собр. русских летописей, т. XVIII. Сиб., 1913, с. 106.

² Никоновская летопись. — Полн. собр. русских летописей, т. XI. Сиб., 1897, с. 8.

Идеологическое значение зодчества в полной мере сказалось в строительстве накануне Куликовской битвы. Готовясь к решительному сопротивлению татарам, Дмитрий строит монастыри и храмы на южных рубежах своего княжества — как бы навстречу врагу. Грандиозные храмы на границах Руси должны были знаменовать уверенность и готовность к сопротивлению русского народа.

Характеризуя строительство накануне Куликовской битвы, Н. Н. Воронин пишет: «В ту пору строительство храмов перешло в ближайший тыл будущей битвы, в города на Оке. В Серпухове был выстроен большой дубовый собор во имя Троицы — символа дружбы и единения и готовности к жертве. Под городом выросли его «сторóжи» — монастыри. Под Коломной Сергей основал также два монастыря, а в самом городе московские мастера, снятые для этого дела с начатой постройки Симоновского монастырского собора в Москве, с необычайной быстротой воздвигли новый белокаменный Успенский собор. Великий византиец Феофан Грек в 1392 г. написал для нового собора храмовую икону Донской богородицы с замечательным своим драматизмом Успением на ее обороте. Творение зодчих — храмы, как бы опережая воинов, выходили на передний край грозного фронта, освящая освободительную борьбу, напоминая языком камня, что настало время решительной схватки «за землю Русскую, за веру христианскую» против «безбожных агарян»¹.

Усиление Московского княжества и рост его авторитета среди населения русских земель, общий национальный подъем позволили московскому князю Дмитрию Ивановичу, прозванному после победы на Дону «Донским», перейти от политики покорности Золотой Орде к сопротивлению ей. Этому же способствовали непрерывные распри в самой Орде, где за период с 1360 по 1380 г. сменилось четырнадцать ханов.

Одному из золотоордынских ханов — Мамаю — удалось сосредоточить в своих руках всю власть. В 1378 г. он организует поход на Русь, но был разбит русскими на реке Воже. Сразу после этого поражения Мамай начинает готовить большой поход на Русь. Он заключает союз с другим сильным врагом Москвы — литовским князем Ягайло и вступает в тайные отношения с рязанским князем Олегом, владения которого находились в пограничной со степью области и который поэтому стремился не разрывать с Ордой.

¹ Воронин Н. Н. Андрей Рублев и его время (к 600-летию художника). — История СССР, 1960, № 4, с. 55—56. — Подробнее см.: Воронин Н. Н. К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского. — Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1949, № 12.

Москва, готовясь к обороне, собирает войска всех остальных русских княжеств. Их, по-видимому, набралось около 100—150 тысяч — столько же, сколько вел на Русь своего войска Мамай, хотя летописи указывают гораздо бóльшие цифры.

Перед решительной битвой с Мамаем Дмитрий должен был не только собрать войско, но и заручиться поддержкой простого народа. Это он и сделал, отправившись перед походом к Сергию Радонежскому в Троице-Сергиев монастырь.

Сергий пользовался в это время громадным авторитетом у бедных людей. Этот авторитет он снискал своею полной трудов и лишений жизнью. Сергий своими руками строил кельи для монахов, сам носил дрова из лесу, воду из колодца, готовил пищу, шил платье и тачал сапоги. Пришельцы в монастырь отказывались признавать в бедном труженике прославленного на всю Русь игумена, по одному слову которого покорились Москве Нижегородское княжество. Часто и он сам, и его братия страдали от нищеты и голода. Именно к Сергию обратился Дмитрий Донской за нравственной поддержкой, и нищий Сергий дал ему ее в полную силу.

Сергий дал Дмитрию двух монахов — Пересвета и Ослябю, — чтобы они сражались в его войске. Это было знаменательным и решительным действием. Монахи не имели права по церковным установлениям сражаться и даже носить оружие. Смело нарушив эти установления, Сергий показал тем самым, что война против иноверных властителей Руси священна, как священен и подвиг каждого ратника в предстоящем бою. Тем самым Сергий поднял дух войска, вселив в сознание простых ратников уверенность в том, что они сражаются за святое дело.

Дмитрий повел войска навстречу Мамаю. Битва разыгралась 8 сентября 1380 г. на правом берегу Дона при впадении в него речки Непрядвы на так называемом Куликовом поле. Русское войско нарочно расположилось к битве, перейдя реки, чтобы некуда было отступать: этим Дмитрий показал свою решимость биться до последнего.

Донская битва на Куликовом поле была одной из самых кровопролитных в русской истории. С обеих сторон пало огромное количество воинов, и в народе не случайно она получила прозвание «Мамаева побоища». Она велась с таким ожесточением, что в рукопашных схватках воины не только гибли от оружия, но и задыхались в тесноте. Исход битвы решился выступлением засадного полка под предводи-

тельством серпуховского князя Владимира Андреевича. Поле битвы осталось за русскими, войско Мамай бежало, но победа досталась очень тяжело. Число павших было необычайно велико.

Победа на Куликовом поле еще более подняла значение Москвы в глазах всего русского народа. Она имела огромное национальное значение. Именно Москва организовала сопротивление Золотой Орде. Дмитрий Донской собрал под своим командованием все русское войско и защитил не одно только свое Московское княжество, но всю Русь, выступив вперед и встретив золотоордынское войско за рубежами Руси — в «диком поле». Именно здесь, на Куликовом поле, решился вопрос о том, вокруг какого княжества объединяться русскому народу. Ни изменившая Рязань, ни медливший с посылкой своих войск Новгород, ни Тверь богатая, ни какой-либо другой центр не получили в глазах всего населения такого общерусского авторитета, как Москва.

Через два года, в 1382 г., преемнику разбитого Мамай хану Тохтамышу удалось организовать новый поход на Москву, но взять Москву удалось только «изгоном» — потому, что поход был организован в глубокой тайне и осуществлен с необычайной быстротой. Москва была разграблена, и прежняя зависимость от Орды восстановлена.

В 1395 г. на Москву идет походом знаменитый завоеватель всей Передней Азии Тамерлан (Темир-Аксай — так называют его русские летописи). Московский князь Василий Дмитриевич готовится к отпору и собирает войско. В Москву переносится главная святыня Владимирского княжества — икона Владимирской божьей матери.

Тамерлан не решился напасть на русское войско и от города Ельца повернул обратно. Василий Дмитриевич снова прекратил уплату дани. Тогда хан Золотой Орды Едигей вновь в тайне подготовленным и внезапным набегом вторгся на Русь и осадил Москву. Взяв «окуп», он удалился. Но переход от покорности к сопротивлению стал уже совершившимся фактом. Неизбежность освобождения Руси от Золотой Орды стала ясна для обеих сторон.

Куликовская победа была подготовлена ростом культуры и патриотического самосознания и, в свою очередь, усилила то и другое.

Подъем русской культуры в последней четверти XIV и начале XV в. сказался во всех областях. Усиливаются культурные связи с Балканским полуостровом — с Константинополем, Болгарией, Сербией. Южнославянские произведения литературы и переводы с греческого перене-

сятся на Русь, на Руси делаются новые переводы с греческого, приезжают живописцы и писатели. В живописи конец XIV — начало XV в. отмечены работами Феофана Грека, Андрея Рублева и Даниила Черного. Создаются замечательные храмы в Москве, Новгороде, Звенигороде, Серпухове и пр. Эти храмы украшаются фресками и иконами, составляющими сейчас в своем очень незначительном дошедшем до нас количестве гордость русского искусства. В области исторической мысли подъем отмечен созданием обширных московских летописных сводов. В литературе — это расцвет сложного панегирического стиля в произведениях Епифания Премудрого и приезжего книжника Пахомия Серба. Создается замечательный цикл произведений, посвященных Куликовской битве: две летописные повести о Куликовской битве; знаменитая «Задонщина» и очень популярное в Древней Руси «Сказание о Мамаевом побоище».

Вторая половина XIV — начало XV в. характеризуется повышенным интересом к домонгольской культуре Руси, к старому Киеву, к старым Владимиру и Суздалью, к старому Новгороду.

В области политической мысли Москва претендует на все политическое наследие Киева и Владимира-Залесского. В летописании Тверь, Москва, Нижний и Ростов претендуют на продолжение традиций киевского летописания: в начало их летописей кладется киевская «Повесть временных лет», «татары» (монголо-татары) отождествляются в летописи с половцами, призывы киевской летописи к объединению Руси и борьбе со степью воспринимаются как призывы к борьбе с монголо-татарским игом («Повесть об Едигее», 1404 г.).

В эти годы мысль русских людей постоянно обращалась ко временам «своей античности». Заметен интерес к литературе домонгольского периода — к «Повести временных лет», к «Слову о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона, к «Слову о полку Игореве», к первым откликам в литературе на события Батыева нашествия — «Слову о гибели Русской земли», «Повести о разорении Рязани Батыем», «Житию Александра Невского». В фольклоре в конце XIV—XV вв. формируется цикл русских былин вокруг киевского князя Владимира Красное Солнышко. Народная мысль видит в Киеве и в его князе Владимире символ независимости, единства и силы Руси¹.

Литературными реминисценциями произведений домонгольской поры пользуются Фома — автор «Слова похвального» тверскому князю

¹ См.: Лихачев Д. С. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, с. 78—81.

Борису Александровичу, московские летописцы, составляют новые редакции таких крупных домонгольских произведений, как «Киево-печерский патерик», «Еллинский и римский летописец» (редакция 1392 г. второго вида) и др.¹

В цикле произведений, посвященных Куликовской битве, также ощущается это обращение к эпохе национальной независимости. Создается «Задонщина», которую следует рассматривать не только как простое подражание «Слову о полку Игореве», но как бы своеобразный ответ на это произведение. «Задонщина» исполнена идеей реванша за поражение Игоря Святославича на Каяле, поэтому многие из образов «Слова» имеют в «Задонщине» обратный смысл: то, что относилось в «Слове» к поражению русских, теперь отнесено к поражению татар, то, что относилось к победе половцев, теперь, в «Задонщине», отнесено к победе русских. Солнечное затмение, провожавшее выступление в поход русских войск в 1185 г., теперь, в 1380 г., сменилось ярким сиянием солнца, которое сопровождает выступление в поход русских войск, и т. д. «Задонщина» в свою очередь повлияла своею образностью на «Сказание о Мамаевом побоище» и осветила его своим поэтическим сиянием. Но отдельные фрагменты поэтической системы «Слова о полку Игореве» обнаруживаются и в том произведении, которое с очевидностью предшествовало и «Задонщине» и «Сказанию о Мамаевом побоище», — в краткой летописной повести о Донской битве².

Значение Куликовской битвы никогда не терялось в последующие века. Каждая новая победа над монголо-татарами вызывала новый подъем интереса к этому первому акту свержения чужеземного ига. Этот новый интерес поднимается в конце XV в. в связи со знаменитым «стоянием на Угре» 1480 г., когда монголо-татарское войско золотоордынского хана Ахмата не решилось напасть на войска Ивана III и вековая дань России Золотой Орде перестала выплачиваться. Иван III бросил на землю и топтал ногой ханскую золотую «басму» — знак, который хан вручал своим послам в удостоверение их полномочий.

Новый подъем интереса к Куликовской битве и к русской истории в целом вызвало в середине XVI в. присоединение к Русскому государству Казанского и Астраханского царств.

Освобождение от чужеземного ига русского народа создало предпосылки для дружелюбного отношения между народами, входившими в состав Русского государства. Татарская знать, приезжавшая на служ-

¹ См. подробнее: Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.—Л., 1962; Dmitri S. Lichatschow. Die Kultur Russlands während der osteuropäischen Frührenaissance vom 14. bis zum Beginn des 15. Jahrhunderts. Dresden, 1962; Dmitri S. Lichatschow. Prerena șterea rusă. Cultura Rusiei în vremea lui Rubliov și a lui Epifanie Preaînțeleptul (Sfârșitul sec. al XIV-lea—începutul sec. al XV-lea). București, 1975.

² См.: Салмина М. А. Летописная повесть о Куликовской битве и Задонщина.— В кн.: Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966.

бу к русским князьям, сохраняла свои титулы и получала те же привилегии, что и русская. Многие русские знатные роды во все последующие века, вплоть до XX в., не скрывали своего татарского происхождения. Татарские купцы свободно торговали по всей территории Русской земли. Татарские воины служили в русских войсках. После присоединения Казанского ханства русский книжник составляет «Казанскую историю» — историю Казани и ее присоединения, — в которой отдает дань уважения мужеству оборонявших Казань татар и с лирическим чувством пишет о горе казанской царицы Сююмбеки. Ни в это, ни в предшествующее время ненависть к чужеземному игу, как таковому, никогда не переходила в русской литературе в чувство расового или национального превосходства над любым из народов, входивших в государственное объединение Золотой Орды. Во всей древней русской литературе нельзя найти ни одного случая, при котором можно было заподозрить русского писателя в чувстве своего интеллектуального превосходства. «Повесть о Петре — царевиче ордынском», написанная в годы наибольшего иноземного гнета на Руси, повествует об ордынском царевиче Петре — основателе монастыря в Ростове. Один из потомков Петра предотвращает разгром Ростовской земли ордынским полководцем Ахмылом.

Куликовская победа явилась важнейшим поворотным пунктом не только в истории средневековой России, но и в ее культуре. Поведа к гибели Золотой Орды, она способствовала освобождению из-под ее власти всех подчиненных ей народов и создала прочные предпосылки для последующего дружелюбного отношения между всеми народами Поволжья и русским народом.